

На рассвете 29 августа 1906 года во дворе Шлиссельбургской крепости вешали двадцатисемилетнюю женщину Зинаиду Васильевну Коноплянникову. Жанр данных заметок не позволяет воспроизвести фотографию этой женщины, и я могу лишь попросить читателя поверить на слово: замечательное русское лицо, большие, открытые, чистые глаза, ни единой черточки в лице, говорящей о пороках или склонности к ним. Оно, лицо ее, по-моему, не просто красиво, оно прекрасно, в него хочется смотреться, как в воду или в небо. И дело не в совокупности чисто физических черт, но в том, что угадывается за чертами, — светлая душа, добрые помыслы, благородное воспитание, наконец.

Но увь! Эта женщина была убийцей. Ей было двадцать семь лет, когда петля сомкнулась на ее шее, и по прихоти совпадений она была двадцать седьмой женщиной-террористкой, приговоренной к смертной казни. Зинаида Коноплянникова 12 августа 1906 года застрелила генерал-майора Мина, командира Семеновского полка, руководившего разгромом революционных дружин на Красной Пресне.

Кому случалось вступать в конфликт с государством, кто испытал на себе «правеж» карательных функций, тот знает, каково оно — смотреть в глаза приговору. Даже когда он не слишком суров. Вот отрывок из «последнего слова» Зинаиды Коноплянниковой:

«Вы меня приговорите к смертной казни. Где бы мне ни пришлось умереть — на виселице ли, в катор-

ге ли, в застенках ли — я умру с одной мыслью: прости, мой народ! я так мало могла тебе дать — только одну свою жизнь».

А вот стихи, написанные в камере женщиной с лицом Ангела Света:

*По воле тоскуя, душа исстрадалась,
И мозг мой не мыслит, усталый от дум.
Лишь в сердце безумная злора осталась,
Она мне заменит и душу, и ум.*

Через полгода в февральском номере журнала «Перевал» Максимилиан Волошин опубликует стихотворение:

*Народу русскому:
Я скорбный Ангел мщенья.
Я в раны черные — в распахнутую новь
Кидаю семена...*

.....
*Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.*
.....
*Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.*

.....
*Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольтется страстный бред.*

Страстный, кровавый бред в душе девушки с лицом ангела, да как такое возможно?!

Снова всматриваюсь в фотографию женщины-убийцы, женщины-террористки и пытаюсь рассу-

ждать типично по-мужски: ну, была бы уродина, была бы с комплексами или хотя бы лишенка какая-нибудь, тогда мне, мужчине, легко отмахнуться, списать, дескать, неудивительно, что в уродливую форму влилось уродливое содержание — урод к уроду тянется...

Отец Зинаиды Коноплянниковой служил вахтером в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия. Зинаида, окончив первой ученицей шестиклассное училище ведомства императрицы Марии, поступила в земскую учительскую семинарию в Петербурге и блестяще ее окончила. Дальше бы — замужество, дети, семья и терпеливая, благородная работа... Но нет, далее — бомба и револьвер. И петля на шее...

Мужчина, по природе лишь «причастный» к великому делу продолжения рода, склонен, по-видимому, сам факт ценности человеческой жизни рассматривать как нечто относительное, подчиненное иным ценностям, кои видятся ему определяющими и таковыми, безусловно, являются в известных исторических ситуациях. Как вечный устроитель, мужчина склонен завышать ценность формального жизнеустройства зачастую в ущерб Жизни как таковой. Ему присуще жертвовать или только рисковать своей и чужими жизнями во имя устройства бытия, и личная деятельность по устройству для него порою важнее, нежели сама жизнь в ее чисто биологическом смысле.

Женщина же, собой продолжающая Жизнь, может ли быть не призвана к иному — к духовному сопротивлению Смерти, к отвращению к Смерти, к страданию при виде ее?! Разве не этими свойствами ее природы она всегда ближе к Богу, чем мужчина?

Да не осудят меня ортодоксы, рискну сказать, что

всякая женщина, впервые взявшая в руки только что родившегося ребенка, одним мгновением, возможно, секундой времени, то есть еще до всякой мысли о нем, — бывает равноприродна Божьей Матери. Мужчине такого мгновения не дано.

Мужчины, армиями сражающиеся друг с другом, имеют разные уровни правоты. Но женщины, молящиеся за сохранение жизни своим мужчинам, правы абсолютно! Эта их абсолютная правота как бы пребывает НАД всеми прочими правдами, и она есть единственное и вечное ДОБРО в нашем недобром мире. Присутствие этого добра, сказал бы даже — некоторое его количественное наличие, возможно, и есть единственная «охранная грамота» роду человеческому. И, соответственно, убывание этого «добра», то есть искажение, уродование женской природы, когда женщина «освобождается» от Богоданного в ней, когда уподобляется мужчине с его безусловной «ущербностью» в этом смысле, — тогда ослабляется жизненный иммунитет человечества, тогда наступают его беды и несчастья.

Но благословленная женщиной Смерть и тем более — ею совершенная не должна ли вызывать омерзение, как всякое извращение Жизни?

Однако вот тот же Максимилиан Волошин, что так пророчески и провидчески описал поражение русского общества перед «скорбным Ангелом мщения» (к этому стихотворению я еще вернусь), всего лишь годом раньше посвящает восторженные строки матерой террористке Марии Спиридоновой:

Она кружилась в вихре бури...

Погибшей, ей не увидеть,

Когда над морем луч лазури

Сверкнет, как Божья благодать...

Душа погибла в непогоду...

(Не обольщайтесь, слово «душа» здесь вовсе не в том смысле...)

Погибла в мрачной темноте —

(И «темнота» здесь — всего лишь темнота душ карателей...)

За меньших братьев, за свободу

Распятой жертвой на кресте...

Как говорится, Бог знает, за что наказывает. Стихотворение просто плохое, на уровне опыта гимназиста младших классов. Но поэт слеп, потому отдает опус в печать. Что до Марии Спиридоновой, то ей-то как раз повезло увидеть, как «над морем сверкнул луч лазури», одна из немногих, она напоролась, за что боролась, но, насколько известно, не прозрела и не образумилась.

И все же слепота Поэта — что это за напасть? Ведь строки, что накидал он на лист, не о суровости закона, не про сочувствие женщине, приговоренной к смерти. Это гимн ее образу жизни, гимн поступку, то есть убийству, это провозглашение праведности женщины, несущей смерть.

Как это происходит, когда входит в общество и в душу умного и тонко чувствующего поэта СМУТА (от слова «муть»), помутнение сознания. Как именуется инфекция, поражающая организм общества и его духовного поводыря — Поэта?

Но, видимо, в том и состоит парадокс смутных времен, что ответ на подобный вопрос всегда присутствует в сознании кого-нибудь из современников, он только «не срабатывает» по причине невостреманности. В данном случае он же, поэт Волошин, и ответил выше уже цитируемым стихотворением.

Напомню первые строки и приведу важнейшие, но примерьте-ка их на день сегодняшней:

Народу русскому: Я скорбный Ангел мщениа.

Я в раны черные — в распахнутую новь

Кидаю семена...

О, камни мостовых, которых лишь однажды

Коснулась кровь... Я ведаю вам счет.

Я камни закляну заклятьем вечной жажды.

И кровь за кровь без меры потечет...

Я красным пламенем пройду по городам.

Устами каждого воскликну я: «Свобода!»

Но разный смысл для каждого придам.

Я напишу: «Завет мой — справедливость!»

И враг прочтет: «Пошады больше нет!»

В том же 1907 году, комментируя эти строки, Петр Струве писал: «В этой справедливости, перед которой «нет пошады» врагу, т.е. несогласно мыслящему, схвачена психическая сущность многих явлений русской революции...» Но далее:

Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды,

Один ты видишь свет. Для прочих он потух...»

И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,

И звать других... Но каждый будет глух.

Но сеятель сберет колючий колос сева.

Поднявший меч погибнет от меча.

Кто раз испил хмельной отравы гнева,

Тот станет палачом иль жертвой палача.

Итак, первым компонентом сознания Смуты является жажда справедливости, понимаемой как обязательность возмездия, мести. Оттого и «Ангел» именует себя прежде всего мстителем. Подчеркиваю,

речь идет не о справедливом устройении жизни, а исключительно об обязательности мести-возмездия как необходимой предпосылки всех последующих актов гражданского действия. Уберите из любого революционного (или контрреволюционного) сознания этот момент, и развалится все здание революционной (или контрреволюционной) мечты.

Второй компонент — гнев. Это своеобразный страховой полис. Испившему гнева третьего не дано — либо палач, либо жертва, он психологически застрахован от гражданского компромисса.

И третье — маниакальная уверенность в собственной правоте и отсюда ревниво-злое отношение в первую очередь даже не к врагам, а к частично близким, но не разделяющим до конца... Ибо нет страшней греха для беса, чем компромисс, а ведь именно им искушают тебя попутчики... Потому бить своих нужно не для того, чтобы чужие боялись, но чтоб оставшиеся не сомневались.

Петр Струве, сам прошедший через соблазн революционного пафоса, таким вот образом завершает свои соображения по поводу волошинского стиха: «В чем заключается задача общественного устройства? В согласовании воль... Живая справедливость психологически всегда была, есть и будет не что иное, как формула соглашения, или компромисса».

«В каких случаях идея справедливости должна быть отвергнута жизнью?» — спрашивает Струве и отвечает: «Когда справедливость не способна исполнить свою важнейшую функцию — быть формулой соглашения или компромисса, когда она говорит: “врагу пощады нет!”»

Последнее, в сущности, всегда есть рецидив ветхозаветного сознания, рассматривающего справед-

ливость исключительно в аспекте требования ока за око. Пусть «требования» Нагорной проповеди завышены для человека, плененного страстями, но...

Разговор-то о женщине. О женщине — миротворице, охранительнице очага в самом высоком смысле. Не от нее ли должна поступать в среду человеческую вразумляющая интенция, не в ее ли спокойной любви к Жизни должны растворяться или сглаживаться углами и гранями кристаллы мужских честолюбий, использующих инструментами своих реализаций вражду и насилие? Женщина, не утратившая Богом данные ей преимущества перед мужчиной, единственно инстинктом своим способна из всей сложности обстоятельств выбрать и указать на обстоятельства жизнеспасающие, согласующие и благодатные. И современная «заезженность» бытом не лишает женщину названных качеств и способностей, поскольку масса тому свидетельств — простая крестьянка, не знавшая в своей жизни роздыха, поражает мудростью, достойной философа, потому что выполнила или выполняла в жизни свои главные жизненные задачи: рожала детей, выкармливала, сохраняла очаг, то есть продолжала Жизнь, продолжала Божье дело.

А теперь признаемся себе, кому не случилось выслушивать или проговаривать такую вот фразу: «Эта баба, конечно, стерва, но на правильных позициях!» Подмигнем друг другу, а «стерве» выкажем полную мужскую поддержку и поощрение: давай, мол, так держать, и неважно, что ты не успела причесаться, причесанные у нас в другом месте, нам ведь с тобой не детей крестить, а Россию спасать! Еще бы! Она же за нас делает нашу работу, причем очень часто лучше нас... За этот гермафродитный уклон женщина часто расплавляется состоянием психики. Не потому ли

политическая остервенелость женщины воспринимается нередко с допуском шизофренического эффекта. В политической страсти женщины всегда готов прочитаться момент истерии. И оттого, может быть, что если женщиной овладевает ненависть, то уж будьте уверены – сатанинского уровня, в то время как в чувствах мужчины всегда присутствует элемент игры...

Но думается, что ничто дурное не случается с женщинами без должной причины. А главная причина женщины – мужчина. Это он сначала утрачивает какие-то свои свойства, необходимые миру; женщина же, пытаясь возместить убыток, утрачивает свои женские достоинства, без которых миру уже и вовсе не продержаться. Один пример.

Тектонические возмущения уже ощутимо сотрясали империю, но популярный поэт не слышал, не слушал и писал свое:

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.*

*Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно...* и т. д.

Выпускница учительской семинарии Зинаида Коноплянникова не могла не читать Валерия Брюсова. К тому времени душа ее уже наверняка «страданиями человеческими уязвлена стала», и поэтический манифест дамского любимца не мог не вызвать протеста в ее от природы отзывчивой душе. Вождю бледных юношей она ответила всей своей короткой жизнью. Но не только. Вот отрывок из ее стихотворения, написанного в тюремной камере:

*Лицо бледное, очи глубокие,
Глянь на равнины родимой земли.
Видишь могилы, могилы далекие?
Там наших братьев тела полегли.*

*Злоба безмерная, счета нет ранам...
Криком отмщенья весь мир оглашай...
Пусть же кровавым сметет ураганом
Ненавистное племя. Отмсти, не рыдай.*

Она прожила двадцать семь лет и была двадцать седьмой по счету российской женщиной, приговоренной к повешению за политическое убийство. Ее роль в выклипании «кровавого урагана» наверняка отмечена в Небесном учете, потому хотя бы, что ведьмы всегда превосходили колдунов в способности возмущать стихии.

Но взглядам возвращаюсь к старинной фотографии, где запечатлено прекрасное русское лицо, и досаду: как же так случилось, что никто не объяснил этому милому созданию, не подсказал, в чем ее главная сила, в чем ее величайшая задача и долг перед миром и Богом, в чем ее замечательное преимущество перед мужчинами, приговоренными к извечному эксперименту над Жизнью!

А когда сам на каком-нибудь митинге, как на штык, натыкаюсь на взвинченный голос женщины, накликающей (конечно же, справедливый) ураган, или на странице прессы глазами холодею от беспощадности фраз одержимой публицистки, то лишь беспомощно развожу руками, потому что, видимо, каждое время и всякая судьба имеют «несравненное право» на ошибки. Ведь себе-то я в этом праве не отказываю...■